

Римский клуб — международная общественная организация, созданная Аурелио Печчеи в 1968 году. Доклады Римскому клубу привлекали внимание общественности и государственных деятелей различных стран к глобальным проблемам.

Глобальные проблемы современного существования и развития человечества:

- предотвращение термоядерной войны и обеспечение мира для всех народов, недопущение несанкционированного мировым сообществом распространения ядерных технологий, радиоактивного загрязнения окружающей среды;
- регулирование стремительного роста населения;
- предотвращение катастрофического загрязнения окружающей среды и снижения биоразнообразия;
- обеспечение человечества ресурсами;
- преодоление разрыва в развитии между богатыми и бедными странами, устранение нищеты, голода и неграмотности.

Глобальные проблемы являются следствием противостояния естественной природы (в том виде, в котором она существовала до появления человека и могла бы существовать сейчас) и человеческой культуры, а также несоответствия или несовместимости разнонаправленных тенденций в ходе развития самой человеческой культуры. Естественная природа существует по принципу отрицательной обратной связи (см. биотитическая регуляция окружающей среды), в то время как человеческая культура — по принципу положительной обратной связи.

Аурелио Печчеи (*Aurelio Peccei*; 4 июля 1908 — 14 марта 1984) — итальянский менеджер (фирма «Фиат») и общественный деятель.

Основатель и президент Римского клуба.

Родился в 1908 в Турине. Умер 14 марта 1984 в Риме.

Римский клуб - международная неправительственная организация, объединяющая в своих рядах ученых, политических и общественных деятелей из многих стран мира. Создана в 1968 по инициативе итал. экономиста, общественного деятеля и бизнесмена А. Печчеи, являющегося ее президентом. Юридически Р. к. зарегистрирован в Швейцарии. Его члены не представляют официально интересы к.-л. организации или страны. Организационная и координирующая деятельность осуществляется исполнительным комитетом. Р. к. проводит ежегодные собрания, организует симпозиумы, семинары, встречи с политическими лидерами и представителями делового мира. Деятельность Р. к. направлена на проведение исследований глобальных проблем современности и ставит своей целью добиться понимания трудностей, возникающих на пути развития человечества, оказать соответствующее влияние на общественное мнение и т. п. По инициативе Р. к. осуществлен ряд исследовательских проектов, результаты к-рых опубликованы в форме докладов. К их числу относятся: «Пределы роста», 1972 (руководитель Д. Медоуз), «Человечество у поворотного пункта», 1974 (руководители м. Месарович и Э. Пестель), «Цели для человечества», 1977 (руководитель Э. Ласло) и др. В целом теоретическая деятельность Р. к. неоднородна: она включает в себя широкий спектр конкретно-научных разработок и общеполитических рассуждений о бытии человека в мире, гуманистических ценностях, перспективах развития человечества. Проведение работ в сфере глобального моделирования, построение первых компьютерных моделей мира, критика негативных тенденций капиталистической цивилизации, поиски путей и средств гуманизации мира и человека, осуждение гонки вооружений, призыв к мировой общественности объединить усилия, чтобы предотвратить термоядерную войну, сохранить окружающую среду, повысить благосостояние людей и улучшить их «качество жизни» - все это составляет психологические стороны деятельности Р. к.; Вместе с тем перенесение выводов, сделанных на основе отдельных, частных наблюдений, на более общие закономерности научно-технического и социального развития, представление о кризисных процессах и противоречиях, свойственных совр. капиталистическому общ-ву, как о кризисе всего человечества, рекомендации по духовному обновлению буржуазного общ-ва, не предусматривающие коренное его преобразование, утопические программы по гуманизации мира и человека, социальная философия, провозглашающая новую «глобальную общность», а по сути дела, капиталистический вариант развития человечества, - таковы негативные стороны теоретической деятельности Р. к., обусловившие ряд ее методологически, научно несостоятельных оценок и социально бесперспективных рекомендаций.

Источники:

1. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. - 4-е изд.-М.:

Политиздат, 1981. - 445 с.

План:

Римский клуб

История создания

Члены

Решаемые проблемы

Достигнутые результаты

Вывод

Литература.

Глава 1. Глобальные проблемы в Коране и Сунне

1.1. Развитие представлений о глобальных проблемах

Еще в конце XIX в. российский ученый В.И. Вернадский пытался оценить возрастающее влияние человеческой деятельности на окружающую среду, указывая на возможность возникновения локальных, региональных и глобальных экологических проблем. В 1922-23 гг. он выдвинул тезис о биохимических явлениях как основе биосферы. Французские исследователи Е. Леруа и П. Тейяр де Шарден развили эту теорию, придя к выводу, что под влиянием разумной человеческой деятельности биосфера претерпевает глубокие качественные изменения и переходит в новое состояние, которое было названо ноосферой [1].

Антропогенное воздействие на природу изначально предполагало ее преобразование. Но если на ранних этапах истории человечества это воздействие носило целостный характер, то по мере расширения освоенного человеком мира и вследствие неизбежно вытекающего отсюда разделения труда взаимодействие человека с природой стало уступать место односторонним, не связанным между собой воздействиям его на отдельные части окружающей среды, что вызвало нарушение природного баланса.

Однако существование любого живого вида возможно лишь в ограниченных пределах изменения параметров окружающей среды. Поэтому разрушительное воздействие человека вызвало беспокойство ученых, предвидевших экономические, социальные и политические последствия растущих

экологических проблем. С конца 1960-х гг. социологи стали уделять небывалое внимание развитию кризисных теорий. Высказывались опасения, что разум больше не способен обеспечить устойчивость глобального мира. В таких условиях стала зарождаться глобалистика – наука о глобальном мире и его проблемах.

В основу представления о перспективах развития человечества легли доклады, подготовленные для Римского клуба. Авторы первого доклада «Пределы роста» (1972) пришли к выводу, что если современные тенденции роста численности населения, индустриализации, загрязнения природной среды, производства продовольствия и истощения ресурсов будут продолжаться, то в течение следующего столетия мир подойдет к пределам роста, произойдет неожиданный и неконтролируемый спад численности населения и резко снизится объем производства.

Пределы роста, по их мнению, определяются внешними и внутренними пределами экспансии человека на природу. К первым относятся физические (природные ресурсы, воздух, вода), экологические (загрязнение отбросами) и биологические (нарушение естественного равновесия между отдельными видами живых организмов) факторы. Внутренними пределами экспансии являются различного рода ограничения (стрессы, шоковая терапия), свойственные психическим и умственным способностям человека. Вместе с тем ученые полагали, что, изменив тенденции роста, можно прийти к устойчивой в долгосрочной перспективе экономической и экологической стабильности [2].

Римский клуб – международная неправительственная организация, объединившая в своих рядах ученых, политических и общественных деятелей из многих стран мира. Римский клуб был создан 6-7 апреля 1968 г. в Риме. Инициатором его создания был итальянский экономист, общественный деятель и бизнесмен Аурелио Печчеи, который, совместно с генеральным директором по вопросам науки ОЭСР профессором физической химии Александром Кингом, пригласил в Рим около 30 европейских ученых в области естествознания, социологии и экономики.

Основными направлениями деятельности клуба являются исследования в области глобального моделирования, построение компьютерных моделей мира, критика негативных тенденций современной цивилизации, поиск путей и средств гуманизации мира, забота об окружающей среде. По инициативе клуба был осуществлен ряд исследовательских проектов, результаты которых были опубликованы в форме докладов. По сегодняшний день были изданы 23 доклада

Римского клуба.

По мнению главы Римского клуба А. Печчеи, человеческое общество и окружающая среда представляют собой единую систему, неконтролируемый рост которой служит причиной ее нестабильности. По его словам, «в этой системе нет никаких внутренних кибернетических механизмов, и не осуществляется никакого “автоматического” саморегулирования макропроцессов. Этим кибернетическим элементом эволюции нашей планеты является сам человек, способный активно воздействовать на формирование своего собственного будущего» [3].

Однако многие прогнозы Римского клуба впоследствии не подтвердились. По мнению В.И. Пантина, причиной этого было то, что в основе расчетов нередко лежала неверная методология. «...Не учитывались некоторые важные факторы, качественно меняющие динамику развития (прежде всего – появление новых энергосберегающих и информационных технологий); это привело к тому, что в основу прогнозов оказалась положенной та или иная экстраполяция существовавших в момент прогноза тенденций» [4].

В свое время разработки Римского клуба были встречены резкой критикой со стороны ведущих индустриальных держав, поскольку они предполагали ограничение промышленного роста «путем постепенного перехода от общества потребления к обществу сохранения» [5]. Несмотря на это, они заложили основу развитию идеи о регулировании процесса изменений в мире с учетом интересов всего человечества.

Дальнейший кризис индустриализма и рост социальных и экологических проблем повлек за собой очередную реакцию прогрессивных сил общества, вылившуюся в идею устойчивого развития. Это понятие впервые ввела в оборот Международная комиссия по окружающей среде и развитию в 1987 г. Спустя пять лет в Рио-де-Жанейро, на Второй Конференции ООН по окружающей среде и развитию, в которой приняло участие 8 тыс. делегатов из 179 государств, концепция устойчивого развития получила единодушную поддержку. Был принят документ под названием «Повестка дня на XXI век». Впоследствии эта концепция была подтверждена на аналогичном саммите в Йоханнесбурге в 2002 г.

Согласно этой концепции, «право на развитие должно осуществляться таким образом, чтобы адекватно удовлетворять потребностям нынешнего и будущего поколений в областях развития и окружающей среды» [6]. Она включает в себя 27 принципов, затрагивающих важнейшие вопросы современности, – в том числе

определяет перспективы развития международного права и реализации программ в области охраны окружающей среды.

Однако, по мнению профессора А.М. Шукюрова, названный документ имеет определенные недостатки. Во-первых, концепция не содержит ясной стратегии мирового развития. В ней не продумана необходимость системной трансформации существующих реальностей. Она предполагает качественное улучшение жизни людей в пределах хозяйственных объемов биосферы, в то же время достичь этого предлагается путем стабильного социально-экономического развития. Концепция считает целесообразным сохранение существующего положения.

Во-вторых, развитые западные страны, – в особенности США, – проявляют холодное отношение к положениям, ограничивающим их собственное техногенно-потребительское развитие.

В-третьих, концепция устойчивого развития содержит рекомендации относительно уменьшения численности населения в странах «третьего мира». Она даже рекомендует установление международного контроля над рождением. Таким образом, становится ясно, кто входит в «золотой миллиард».

В-четвертых, нежелание западной элиты кардинально изменить ситуацию еще раз доказывает то, что их идеи являются тщательно продуманной политикой (военной, правовой, экономической, финансовой, информационной), направленной на сохранение и консервацию линии техногенно-потребительского развития [7].

Понимание экологической связанности планеты стало толчком для целого ряда инициатив, направленных на поиски путей предотвращения глобального экологического кризиса. В 2003 г. представители влиятельных кругов экономической политики, науки, СМИ и неправительственных организаций задумали разработать Глобальный План Маршалла, целью которого является создание всемирной экономической, политической и общественной системы для новой эры сотрудничества, призванной обеспечить глобальную безопасность, мир и благополучие всех членов мирового сообщества. Помимо этого, в настоящее время разрабатывается Конвенция о биологическом разнообразии и формируется Глобальный экологический фонд.

Однако эффективность таких шагов является довольно низкой, и одной из главных причин этого является их экономическая составляющая. Стратегия устойчивого развития представляется для многих транснациональных акторов, определяющих ныне мировую политику, гораздо менее привлекательной, чем

глобализация.

Возникнув, главным образом, в силу экономических предпосылок, глобализация изначально подразумевала увеличение производительности производства, совершенствование международных финансовых механизмов, эффективное внедрение технологических достижений, – одним словом, сулила экономическое процветание всем участникам этого процесса. Как выразился американский исследователь Т. Фридман, глобализация предстала как «неукротимая интеграция рынков, наций-государств и технологий, позволяющая индивидуумам, корпорациям и нациям-государствам достигать любой точки мира быстрее, дальше, глубже и дешевле, чем когда бы то ни было прежде» [8].

Глобализация открыла перед многими государствами широкие экономические перспективы, включая освоение новых рынков, ускорение потоков информации и товаров, привлечение иностранных инвестиций. Однако, не ограничившись экономическим измерением, феномен глобализации повлек за собой множество негативных процессов. Он оказал унифицирующее воздействие на культуры народов, не принадлежащих к западной цивилизации, способствовал размыванию национальной и этнической идентичности, ослабил суверенитет национальных государств, способствовал росту поляризации в мире.

«По мере углубления глобализационных процессов стало очевидным, что основные положения глобалистской идеологии не только не дают адекватного описания происходящего развития, но и во многом решительно противоречат ему. Не случайно в последние годы в серьезных научных и политических кругах все настойчивее звучит тезис о кризисе глобализма и как теории, и как практического руководства к действию» [9].

Для многих государств процесс интегрирования в мировое сообщество оказался чрезвычайно болезненным, и хотя в теории глобализация подразумевала развитие, на практике она обернулась катастрофой для некоторых народов.

Страны Латинской Америки и Юго-Восточной Азии, а также Россия на собственном опыте познали ее тяжкие последствия. Ярким свидетельством этого стали две серии финансово-экономических катастроф, прокатившихся по миру в конце прошлого столетия. Первая началась в 1991 г. в России, за ней в 1994 г. последовала Мексика и, наконец, в 1997 г. – страны Юго-Восточной Азии. Вторая стартовала в конце октября 1997 г. в Юго-Восточной Азии и достигла своего пика в январе 1998 г. в Южной Корее. В августе 1998 г. она продолжилась в Бразилии и России. В 2002 г. банкротство постигло Аргентину, а в 2003 г. – Уругвай.

Развитые индустриальные государства, находящиеся в авангарде глобализации, оказались не способны помешать развитию глобальных проблем, о которых говорилось в докладах Римского клуба и исследованиях ученых. Более того, некоторые из этих проблем приобрели еще более выраженный характер. «Среди 4,4 млрд. человек, живущих в развивающихся странах, три пятых живут в условиях, не соответствующих минимальным санитарным требованиям: одна треть лишена нормальной питьевой воды, одна четверть не имеет адекватных жилищных условий, одна пятая недоедает. Почти одна треть жителей беднейших стран не доживает до 40 лет. 8 млн. человек умирают ежегодно от загрязнения воды и атмосферы» [10].

Таким образом, глобализация не ограничилась увеличением производительности труда, внедрением высоких технологий и созданием всемирной сети коммуникаций, способствующей формированию единой мировой рыночной системы. Она выявила острые проблемы современного рынка, обострила социальные проблемы в обществе и поставила под угрозу экологическую безопасность человека. Несмотря на это, многие политики и монополисты не оценивают всю опасность сложившейся ситуации, стремясь не отстать от мировой элиты.

«Мир XXI века получил в наследство от XX века бедность, экономические проблемы, нехватку ресурсов, массовые болезни и паразитирующие на этих бедах национализм и религиозный фанатизм, десятки "горячих точек" и международный терроризм. Старые опасности в виде оружия массового поражения (ядерное, химическое и бактериологическое) дополняются новыми» [11].

К глобальным проблемам относятся милитаризация обществ, в которых люди вооружаются, чтобы защищать себя, поскольку государства все менее способны решать проблему личной безопасности; тотальный контроль личности и общества в силу развития глобальных информационных технологий; физическое вырождение коренного населения развитых стран, порождающее необходимость в миграционном притоке; явно выраженная тенденция постепенного разрушения семьи; осознанный на уровне политического и экономического императива курс на ослабление национального государства, ведущий к утрате социальных институтов, обеспечивающих защиту человека и сохранение для него социальных гарантий; асоциализация в развитых странах на почве гедонизма и в бедных странах на почве голода и проблематичности физического выживания; духовное оскудение западной культуры; усиление внутриглобальной

конкуренции [12].

Ю.В. Яковец классифицирует глобальные проблемы следующим образом:

1. демографическая – продолжающийся рост общей численности населения с противоположным векторам по разным цивилизациям;
2. экологическая – грядущее истощение ряда видов минеральных, водных и лесных ресурсов при росте загрязнения окружающей среды и нарастании парникового эффекта;
3. технологическая – монопольное овладение постиндустриальным способом производства небольшой горсткой развитых цивилизаций при усилении технологической отсталости и потери конкурентоспособности остальными;
4. экономическая – чрезмерная поляризация богатства, уровня и качества жизни цивилизаций «золотого миллиарда» и остального человечества, мощные насосы перекачки ресурсов через ТНК и мировые финансовые центры;
5. геополитическая – попытка навязать однополярный мир и всепланетный диктат со стороны североамериканской цивилизации при поддержке цивилизации западноевропейской, при нарастающем сопротивлении иных цивилизаций;
6. социокультурная – противостояние загнивающего, но все еще преобладающего чувственного строя и зарождающегося интегрального строя, «промывание мозгов», вестернизация мира, с использованием мощных информационных потоков и нарастающее сопротивление этой тенденции [13].

На наш взгляд, из социокультурных проблем уместно было бы выделить в отдельную группу проблемы, связанные с вырождением традиционной духовности, которая проявляется не только в секуляризации сознания и общественно-политической жизни, но и в асоциализации человека, являющейся следствием технологического прогресса и информационного тоталитаризма.

Последствия глобальных кризисов непредсказуемы и порой непреднамеренны, они определяются логикой стихийного развития глобальных процессов. Их опасность определяется как количественными, так и качественными характеристиками предсказываемых учеными катастроф. «От бедности можно защититься границами, от опасностей атомного века – нельзя. В этом их своеобразная культурная и политическая сила, которая не признает охранных зон и дифференциаций современного мира» [14].

Для того чтобы не путать общественные, национальные и региональные проблемы с глобальными, мы должны определить критерии, по которым можно судить о глобальности проблемы. Во-первых, эти проблемы должны касаться

жизненных интересов всего человечества и каждой личности в отдельности. Во-вторых, они должны быть острыми и актуальными и должны выступать как объективный фактор существования современной цивилизации. В-третьих, они должны объединять в себе социальные и природные явления и отражать общественно-природные и биосоциальные отношения. В-четвертых, они должны затрагивать интересы всех стран и народов. Необходимо отметить, что только в совокупности эти критерии указывают на глобальность проблемы, поскольку каждый из них в отдельности не может быть решающим фактором, хотя между учеными по этому поводу существуют определенные разногласия.

В частности, Г.С. Хозин относит комплексность и сложную внутреннюю взаимосвязь этих проблем к числу критериев глобальности. Он также особо подчеркивает их высокий динамизм: поскольку глобальные проблемы вызваны к жизни совокупностью множества различных факторов, их состояние в конкретных исторических условиях и географических регионах постоянно меняется [15].

Оценка критериев глобальности позволяет понять, что пренебрежение такими проблемами может привести к непоправимым последствиям, которые скажутся на существовании человечества в целом и отдельных людей в частности. Угрожая разрушением природной, социальной и духовной среды, эти проблемы разрушают социальный капитал, накопленный человечеством за сотни лет взаимодействия и сотрудничества. «...Люди, друг другу не доверяющие, в конце концов, смогут сотрудничать лишь в рамках системы формальных правил и регламентаций – системы, требующей постоянного переписывания, согласования, отстаивания в суде и обеспечения выполнения, иногда принудительного. Весь этот юридический аппарат, заменяющий доверие, приводит к росту того, что экономисты называют “операционными издержками”. Другими словами, недоверие, распространенное в обществе, налагает на всю его экономическую деятельность что-то вроде дополнительной пошлины, которую обществам с высоким уровнем доверия платить не приходится» [16].

А.С. Панарин считает глобальные проблемы результатом следующих несоответствий:

- между неограниченным воспроизводством факторов, входящих в систему «техники», и ограниченными воспроизводящими возможностями системы под названием «природа»;
- между индустриальным, поставленным на поток, тиражированием техники и остающимся кустарным или полукустарным обеспечением системы под

названием «человек»;

- между уникальными продуктами высокой культуры и неограниченно тиражируемыми продуктами культуры массовой [17].

По мнению И. Бестужева-Лады, «комплекс глобальных проблем современности покоится на теории глобальных балансов, согласно которой стабильность процессов (устойчивость их состояния) в природе и обществе зависит от степени их сбалансированности». По его словам, насчитывается до двух десятков глобальных балансов: топливно-энергетический, материально-сырьевой, межотраслевой, продовольственный, транспортный, торговый, экологический, демографический и пр. [18].

[1] Яншина Ф.Т. Ноосфера В. Вернадского: утопия или реальная перспектива? - с. 165.

[2] Философия XX века, с. 241.

[3] Печчеи А. Человеческие качества, с. 123-124.

[4] Пантин В.И. Социоестественная история и глобализация, с. 12.

[5] Философия XX века, с. 241.

[6] Тураев В.А. Глобальные вызовы человечеству, с. 71.

[7] Шукюров А.М. Философия и глобализация, с. 235-236.

[8] Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление, с. 9.

[9] Галкин А.А. О глобализации без иллюзий, с. 167.

[10] Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление, с.146.

[11] Азроянц Э.А. Будущее: эволюционные и эсхатологические альтернативы, с. 102.

[12] Там же, с. 102-103.

[13] Яковец Ю.В. Цивилизации в глобализированном мире XXI века: растворение, столкновение или трансформация, с. 183.

[14] Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну, с. 5.

[15] Тураев В.А. Глобальные вызовы человечеству, с. 14.

[16] Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию, с. 55.

[17] Панарин А.С. Искушение глобализмом, с. 280-281.

[18] Бестужев-Лада И. Глобальные проблемы современности и пути их решения, с. 19.

Анализ Римским клубом глобальных проблем в системе «общество – природа». Острота глобальных проблем, связанных с противоречиями между обществом и окружающей средой, обусловлена их связью с безопасностью земной цивилизации. Современная высокоразвитая технологическая цивилизация потеряла способность к саморегенерации, которой обладали более примитивные древние и средневековые общества. Если она рухнет в результате какого-либо катаклизма, то восстановить ее будет практически невозможно. Даже если человечество при этом

выживет, оно не сможет вернуться в «век железа», поскольку большинство запасов основных полезных ископаемых уже истощено до такой степени, что для их добычи потребуются сложные технологии, требующие металлоемкого оборудования. В случае гибели нынешнего «мира техники» новая цивилизация сможет быть только аграрной, но никогда не станет промышленной.

Именно с анализа взаимоотношений общества и окружающей среды начались работы Римского клуба. Начальную работу по предложению Клуба провел американский специалист по компьютерному моделированию Дж. Форрестер. Результаты его исследования, опубликованные в книге *Мировая динамика* (1971), показали, что продолжение прежних темпов потребления природных ресурсов приведет в 2020-х к всемирной экологической катастрофе.

Созданный под руководством американского специалиста по системным исследованиям Д.Медоуза доклад Римскому клубу *Пределы роста* (1972) продолжил и углубил работу Дж. Форрестера. Этот доклад завоевал репутацию научного бестселлера, он был переведен на несколько десятков языков, само его название стало нарицательным.

Авторами этого доклада, самого известного из опубликованных Римским клубом, было разработано несколько моделей, построенных на экстраполяции наблюдающихся тенденций роста населения и истощения известных запасов природных ресурсов.

Согласно стандартной модели, если не произойдет никаких качественных изменений, то в начале 21 в. сначала начнется резкий спад среднедушевого промышленного производства, а затем – и численности населения планеты (Рис. 2). Даже если количество ресурсов удвоится, то глобальный кризис лишь отодвинется до примерно середины 21 в. (Рис. 3). Единственным выходом из катастрофической ситуации виделся переход к планируемому в мировом масштабе развитию по модели *глобального равновесия* (фактически – «нулевого роста»), то есть сознательная консервация

промышленного производства и численности населения (Рис. 4).

(14.89 К6)

(17.57 К6)

(13.16 К6)

Разработчики доклада Римскому клубу, *Человечество у поворотного пункта*, М.Месарович и Э.Пестель (1974), углубили компьютерное моделирование развития мировой экономики, рассмотрев развитие основных регионов планеты. Они пришли к выводу, что при сохранении существующих тенденций серия региональных катастроф произойдет даже раньше, чем полагали Форрестер и Медоуз. Однако «стратегия выживания», по мнению авторов нового доклада, состоит не в достижении «состояния глобального равновесия», как предлагалось в *Пределах роста*, а в переходе к «органическому росту» – системному взаимозависимому развитию различных частей мировой системы, в результате чего можно достигнуть сбалансированного развития всего человечества. Эта позиция нашла отражение еще в одном докладе Римскому клубу, *За пределами роста* Э.Пестеля (1988). Важно отметить, что обе модели – и «глобального равновесия», и «органического роста» – предполагали отказ от стихийного саморазвития в пользу сознательного регулирования.

Первые доклады Римского клуба вызвали острую дискуссию как среди обществоведов, так и среди политиков. Экономисты указывали, что НТР ускоряет не только потребление невозобновимых ресурсов и загрязнение окружающей среды, но и освоение новых ресурсов, внедрение ресурсосберегающих и экологически чистых технологий.

(15.23 К6)

Под влиянием критики прогнозов глобальной экологической катастрофы разработчики последующих докладов Римскому клубу стали делать основной акцент не на описании грядущих угроз, а на анализе путей их предотвращения. Авторы доклада *Фактор четыре: удвоение богатства, двукратная экономия ресурсов* (1997) Э.Вайцеккер, Э.Ловинс и Л.Ловинс, проанализировав развитие ресурсосберегающих технологий, пришли к выводу, что вместо глобальной катастрофы после 2050 можно ожидать одновременной стабилизации численности населения и промышленного производства при снижении уровня загрязнения окружающей среды.

Глобальные проблемы в системе «индивид – общество».

Возникновение социальных глобальных проблем связано в основном с противоречиями между развитыми странами «богатого Севера» и развивающимися государствами «бедного Юга». Развивающиеся страны составляли ранее колониальную и полуколониальную периферию, они остаются и теперь чаще всего на периферии мирового хозяйства. Отсталость в сравнении с развитыми странами – наиболее общая характеристика этих стран, и именно это явление стало после окончания «холодной войны» основной социальной глобальной проблемой.

С 1940-х для помощи отстающим странам начали создаваться специальные всемирные институты социально-экономического регулирования (МВФ, МБРР, экономические организации ООН). Однако развитие глобального регулирования затормозилось уже в 1970-е, показателем чего является судьба 3-го доклада Римскому клубу, *Пересмотр международного порядка* (1976), подготовленного группой под руководством нидерландского экономиста Я.Тинбергена.

В этом докладе содержалась программа комплексных мер по качественному усилению наднационального глобального регулирования. Разработчики доклада предлагали создать несколько новых мирохозяйственных организаций: мировой банк, который обладал бы правом осуществлять международное налогообложение и распоряжаться собранными средствами; агентство минеральных ресурсов, ответственное за использование полезных ископаемых в глобальном масштабе; мировое агентство, ответственное за развитие и распространение технологий, и т.д.

Однако предложения группы Я.Тинбергера не получили поддержки. Развивающиеся страны опасались ущемления своего национального суверенитета, а развитым было достаточно уже существующих форм надгосударственного регулирования.

С 1980-х под влиянием «консервативной контрреволюции» отношение в развитых странах к идее наднационального регулирования с социальными приоритетами вообще серьезно ухудшилось. Его стали рассматривать как опасную форму международного бюрократического регулирования. Поэтому поздние доклады Римскому клубу, посвященные социальным проблемам, стали акцентировать внимание не на мерах централизованного регулирования, а на самообеспечении развивающихся стран и изменении культурных стереотипов под общим лозунгом «думать глобально, действовать локально».

Так доклад Римскому клубу, *Нет пределов обучению* (1979), был посвящен перспективам развития массового образования, способного значительно сократить разрыв в уровне культуры людей различных социальных групп и стран мира. В докладе *Босоногая революция* (1988) рассматривались результаты и перспективы развития в «третьем мире»

малого неформального предпринимательства, направленного на удовлетворение потребностей местных жителей.

Общая позиция Римского клуба по поводу перспектив решения социальных глобальных проблем выражена в заглавии книги А.Печчеи *Человеческие качества* (1977). Основатель Римского клуба полагал, что успех возможен прежде всего путем изменения качеств человека, чего можно добиться путем воспитания «нового гуманизма», включающего глобальность, любовь к справедливости и отвращение к насилию.

Доклады Римскому клубу, посвященные социальным глобальным проблемам, не смогли сыграть столь же знаковую роль в развитии глобалистики и в практическом решении глобальных проблем, как доклады по проблемам окружающей среды. Однако они внесли важный вклад в осмысление социальных «недугов человечества».

Юрий Латов

Глава 4. Римский клуб (Аурелио Паччеи) Человеческие качества

1. Затруднения и проблематика

Я считаю, что создание Римского клуба, основной целью которого стало изучение и выявление нового положения, в котором оказался человек в век своей глобальной империи, явилось волнующим событием в духовной жизни человечества. Буквально с каждым часом растут наши знания о самых разных вещах; вместе с тем мы остаемся почти невежественными в том, что касается изменений в нас самих. И если что-то и можно поставить в заслугу Римскому клубу, то именно то, что он первым восстал против этого опасного, почти равносильного самоубийству неведения.

Мы знаем, что наше путешествие в качестве Homo sapiens началось приблизительно сто тысячелетий назад, и вот уже сто веков, как ведется историческая летопись человечества. Однако в последние десятилетия все чаще рождается мысль, что человечество достигло какого-то важного рубежа и оказалось на перепутье. Впервые с тех пор, как христианский мир шагнул в свое второе тысячелетие, над миром, по-видимому, действительно нависла реальная угроза неминуемого пришествия чего-то неотвратимого, неизвестного и способного полностью изменить общую судьбу огромных масс людей. Люди чувствуют, что наступает конец какой-то эпохи в их истории. Но никто, кажется, сегодня еще не задумывается над необходимостью радикально изменить не только свой собственный образ жизни, но жизнь своей семьи, своего народа. И именно в том-то, в сущности, и кроется причина многих наших бед, что мы еще не смогли приспособить к этой насущной необходимости свое мышление, мироощущение и свое поведение.

Человек не знает, как вести себя, чтобы быть по-настоящему современным человеком. И эта особенность присуща лишь ему - другие виды не знают этой слабости. Тигр прекрасно знает, как быть тигром. Паук живет так, как живут пауки. Ласточка постигла те повадки, которые полагаются ласточке. Природная мудрость помогает всем этим видам постоянно регулировать и совершенствовать качества, которые обеспечивают выживание, приспособляемость к изменяющимся внешним условиям. И свидетельство успешности этих усилий - сам факт их нынешнего существования. Но неожиданно человек в век НТР оказывается их смертельным врагом, врагом или тираном почти всех форм жизни на планете. Человек, придумав сказку

о злом драконе, сам оказывается этим драконом.

А человеку, имеющему много общего со всеми другими живыми существами, не хватает лишь мудрости выжить. Постепенно утрачивая свои природные способности к приспособлению и выживанию, сочтя за благо все больше и больше доверять свою участь разуму, то есть своим техническим возможностям, человек, вместо того чтобы меняться самому, принялся изменять окружающий мир, став в нем звездой первой величины. Ему бы никогда не одержать победы в прямой схватке с другими видами, но он предложил им бой на свой лад и стал неуязвим. Однако мир не мог беспредельно изменяться, угождая его желаниям, и на каждой новой ступеньке восхождения человеку приходилось вновь осознавать свою возросшую силу и учиться жить с ней. В результате - вот он, человеческий парадокс: как в зыбучих песках, увязает человек в своих невиданных возможностях и достижениях - чем больше силы он применяет, тем больше в ней нуждается, и если вовремя не научится ею пользоваться, то обречен стать вечным пленником этих зыбучих песков.

За последние десятилетия в новом порыве вдохновения человек одержал еще несколько головокружительных технических побед, однако не нашел еще времени ни научиться пользоваться их плодами, ни свыкнуться с новыми возможностями, которые они ему дали. Так он начал утрачивать чувство реальности и способность оценивать свою роль и место в мире, а вместе с тем и те фундаментальные устои, которые на протяжении всех предшествующих веков с таким усердием воздвигали его предки, стремясь сохранить человеческую систему и наладить взаимосвязь с экосистемой. Теперь человек оказался перед необходимостью кардинально пересмотреть традиционные взгляды на

самого себя, на своих собратьев, на семью, общество и жизнь в целом и пересмотреть в масштабах всей планеты, но он пока еще не знает, как это сделать.

Необходимо совершенно ясно отдавать себе отчет в нелепости утверждений, что нынешнее глубоко ненормальное и неблагоприятное состояние человеческой системы можно хоть как-то приравнять к каким бы то ни было циклическим кризисам или связывать с какими-то преходящими обстоятельствами. И уж если - за неимением другого подходящего слова - мы все же вынуждены называть это кризисом, то должны сознавать, что это особый, всеобъемлющий, эпохальный кризис, пронизывающий буквально все стороны жизни человечества. Римский клуб назвал его *затруднениями человечества*.

Диагноз этих затруднений пока неизвестен, и против них нельзя прописать эффективных лекарств; притом они усугубляются еще тесной взаимозависимостью, которая связывает ныне все в человеческой системе. С тех самых пор, как человеком был открыт ящик, подобный ящику Пандоры, и неведомая донныне техника выскользнула из-под его контроля, все, что бы ни произошло где-то в мире, отдается звонким эхом почти повсюду. Нет больше экономических, технических или социальных проблем, существующих отдельно независимо друг от друга, которые можно было бы обсуждать в пределах одной специальной терминологии и решать не спеша, по отдельности, одну за другой. В нашем искусственно созданном мире буквально все достигло небывалых размеров и масштабов: динамика, скорости, энергия, сложность - и наши проблемы тоже. Они теперь одновременно и психологические, и социальные, и экономические, и технические, и вдобавок еще и

политические; более того, тесно переплетаясь и взаимодействуя, они пускают корни и дают ростки в смежных и отдаленных областях.

Даже при беглом взгляде на приведенный перечень проблем легко увидеть звенья, которые сцепляют их воедино; при более детальном рассмотрении эти связи прослеживаются еще нагляднее. Бесконтрольное расселение человека по планете; неравенство и неоднородность общества; социальная несправедливость, голод и недоедание; широкое распространение бедности; безработица; мания роста; инфляция; энергетический кризис; уже существующий или потенциальный недостаток природных ресурсов; распад международной торговой и финансовой системы; протекционизм; неграмотность и устаревшая система образования; бунты среди молодежи; отчуждение; упадок городов; преступность и наркомания; взрыв насилия и ужесточение полицейской власти; пытки и террор; пренебрежение законом и порядком; ядерное безумие; политическая коррупция; бюрократизм; деградация окружающей среды; упадок моральных ценностей; утрата веры; ощущение нестабильности и, наконец, неосознанность всех этих трудностей и их взаимосвязей - вот далеко не полный список или, вернее сказать, клубок тех сложных, запутанных проблем, который Римский клуб назвал *проблематикой*.

В пределах этой проблематики трудно выделить какие-то частные проблемы и предложить для них отдельные, независимые решения - каждая проблема соотносится со всеми остальными, и всякое очевидное на первый взгляд решение одной из них может усложнить или как-то воздействовать на решение других. И ни одна из этих проблем или их сочетаний не может быть решена за счет последовательного применения основанных на линейном подходе

методов прошлого. Наконец, над всеми проблемами нависла еще одна трудность, недавно появившаяся и перекрывающая все остальные. Как показал опыт, на определенном уровне развития проблемы начинают пересекать границы и распространяться по всей планете, невзирая на конкретные социально-политические условия, существующие в различных странах, - они образуют *глобальную проблему*.

Такое международное распространение проблемных эпидемий вовсе не означает, что исчезнут или станут менее интенсивными проблемы регионального, национального или локального характера. Напротив, их становится все больше и больше, а справляться с ними все труднее и труднее. Но самое страшное, что мы продолжаем упорно фокусировать внимание именно на этих периферических или частичных проблемах, которые кажутся нам ближе и потому больше, и при этом не замечаем или попросту не желаем осознавать, что тем временем вокруг нас все плотнее сжимаются тиски гораздо более грозной, всемирной *глобальной проблемы*. Правительства же и нынешние международные организации оказываются абсолютно неспособными достаточно гибко реагировать на сложившееся положение. Сама их структура как будто специально создана таким образом, чтобы решать исключительно узкие, секторальные проблемы и оставаться совершенно нечувствительной к общим, глобальным. Они будто окружены непроницаемой стеной, сквозь которую даже не доносятся отзвуки разыгрывающихся бурь; более того, их бюрократический аппарат оказывает упорное сопротивление любым попыткам отреагировать, он буквально парализован массой неотложных задач и при этом, конечно, не видит гораздо более страшных, но несколько отдаленных во времени бед.

Чем яснее представлял я себе все эти угрожающие человечеству опасности, тем больше убеждался в необходимости предпринять какие-то решительные меры, пока еще не стало слишком поздно. Один я не мог сделать ничего, и тогда решил создать небольшой круг единомышленников, с которыми можно было бы вместе подумать о том, как сформулировать эти (волновавшие не только меня) мировые проблемы и предложить новые подходы к их изучению.

2. Удивительное рождение клуба

Я все искал подходящих сподвижников, с которыми мог бы приступить к осуществлению этого донкихотского проекта, как вдруг случай неожиданно свел меня с ними. В 1967 году я окольными путями вышел на генерального директора по вопросам науки ОЭСР Александра Кинга. «Все началось с того, - рассказывал мне потом Кинг, - что один мой коллега, ученый из Советского Союза, листая журнал в ожидании самолета в одном из аэропортов, случайно наткнулся на статью о выступлении Аурелио Печчеи на конференции промышленников в Буэнос-Айресе. Заинтересовавшись прочитанным, он послал мне в ОЭСР этот номер журнала с краткой припиской: «Над этим стоит поразмыслить». Тогда я впервые услышал имя Печчеи, и оно мне ничего не говорило. Я навел о нем справки и немедленно написал, предложив встретиться. Сразу же, примерно через неделю, состоялся наш первый разговор».

Мы с Александром Кингом поняли друг друга с первого слова. Человек редкой культуры, он сочетает в себе солидное образование с ясными суждениями и уравновешенными взглядами. Опыт его практической деятельности чрезвычайно широк и разнообразен, он прекрасно разбирается в вопросах политики, образования, науки и техники и в то

же время живо интересуется проблемой взаимозависимости технических, экономических, человеческих и этических элементов общества во всей их целостности. Он считает, что необходимо коренным образом перестроить наши институты, поскольку все они построены по вертикальному принципу, в то время как распространение самих проблем носит скорее горизонтальный характер. Здоровый оптимист по природе, он становится еще большим пессимистом, чем я, когда критикует человечество и связывает почти все основные причины переживаемых ныне затруднений со свойственным человеку эгоизмом.

Обсудив возможные подходы к исследованию проблематики в контексте мировой системы, мы решили поделиться своими соображениями с учеными, экономистами и социологами. Для начала мы сочли целесообразным ограничиться Европой и привлечь всего несколько видных ученых с достаточно широким кругом интересов, затем можно было привлечь и представителей других частей света. Планируя первую встречу, мы надеялись, что если десяток представителей различных сфер и отраслей европейской науки сумеют договориться между собой и прийти, даже неважно по какому вопросу, к единому мнению, то после этого, шутили мы, можно примирить и черта с ладаном. Такая встреча представлялась нам разумной со всех точек зрения, особенно потому, что на фоне мощной американской футурологической школы перспективное мышление в Европе развито довольно слабо.

Чтобы подогреть воображение коллег, необходим был хороший предварительный документ. И здесь, как и во многих других начинаниях, вопрос сводился к тому, где найти талантливого человека

со свободным временем, который перевел бы на убедительный язык казавшиеся нам разумными мысли. С этой просьбой обратились к Эриху Янчу. Тогда я еще не был с ним знаком, но, узнав поближе, понял, что Янч наделен не только редким умом, но и способностью так трезво и безжалостно анатомировать будущее, что это невольно приобретало характер сурового предостережения. Астроном по образованию, он порою как бы с заоблачных высот взирал на своих собратьев по планете. Подготовленный им документ под названием *«Попытка создания принципов мирового планирования с позиций общей теории систем»* был четко продуман и убедителен, хотя и не всегда легок для понимания. Я очень благодарен Эриху Янчу за эту и многие другие возможности приобщиться к его прогрессивным идеям и взглядам, которые послужили пищей и для моих собственных размышлений.

Если выразить суть созданного Янчем документа всего в нескольких фразах, она сводится к следующему: «В настоящее время мы начинаем осознавать человеческое общество и окружающую его среду как единую систему, неконтролируемый рост которой служит причиной ее нестабильности. Достигнутый ныне абсолютный уровень этого неконтролируемого роста определяет высокую инерционность динамической системы, снижая тем самым ее гибкость и способность изменяться и приспосабливаться. Стало совершенно очевидным, что в этой системе нет никаких внутренних кибернетических механизмов и не осуществляется никакого «автоматического» саморегулирования макропроцессов. Этим кибернетическим элементом эволюции нашей планеты является сам человек, способный активно воздействовать на формирование своего собственного будущего. Однако он может на деле

выполнить эту задачу только при условии контроля над всей сложной системной динамикой человеческого общества в контексте окружающей его среды обитания... что может возвестить вступление человечества в новую фазу психологической эволюции».

Вслед за этим я, заручившись финансовой поддержкой Фонда Аньелли, выбрал вместе с Кингом около тридцати европейских ученых - естественников, социологов, экономистов, специалистов в области планирования и написал им, предложив всем приехать 6-7 апреля 1968 года в Рим для обсуждения многих вопросов. Надеюсь, что эта встреча станет знаменательным событием, я обратился к президенту основанной в 1603 году и, следовательно, старейшей из ныне существующих академий - Национальной академии деи Линчеи - с просьбой предоставить нам свое помещение, которое, как я считал, было бы достойным местом для нашего совещания. Он любезно отдал в наше распоряжение виллу Фарнезина - прелестный дворец в стиле ренессанса, окруженный прекрасным парком с ливанскими кедрами, кипарисами, бергамотовыми деревьями, зарослями лавра и вечнозеленых кустарников и изумительно расписанный внутри такими великими мастерами, как Рафаэль, Себастьяно дель Пьомбо¹ и Содома².

Как гласит история этой академии, основатели ее были молоды и «одержимы пылкой любовью к науке, которая еще более распалялась прославленными лекциями и опытами Галилея. Их самым сильным желанием было постигнуть тайны природы, проникнуть в них с вкрадчивостью рыси. И даны были их союзу лапы рыси и имя «Линчеи»³. Я был уверен, что три с половиной века спустя их успехи и стремления вдохновят нас в нашей работе, особенно если вспомнить,

что эти первые академики, представлявшие различные науки, уже тогда говорили о международном сотрудничестве и намеревались посвятить свою деятельность естественным наукам с главной целью - открывать суть вещей, что, однако, как они замечали, не должно исключать изящных искусств и философии.

Я ощущал под сводами Академии дух гуманности и гуманизма; впоследствии, однако, оказалось, что его смогли уловить далеко не все наши гости. Некоторые из них, как это часто случается с узкими специалистами, упорно не желали задумываться над чуждыми им, к тому же еще не вполне оформившимися сложными вопросами, требующими большого умственного напряжения, - а именно такого рода задачу представляла необходимость видения мира как системы и человека как его регулятора. Правда, надо признаться, что достаточно сложный язык предварительного документа также отпугивал людей. Да и само магическое очарование Рима, мягкая ранняя весна Вечного города, умиротворяющее воздействие спагетти и вина «Фраскати» - все это больше располагало к наслаждению жизнью, чем к желанию пускаться в трудный путь печальных раздумий о ее будущем.

В ходе наших дискуссий произошло несколько весьма примечательных инцидентов. Так, добрый час отняли у нас изощренные и пылкие дебаты о смысловой разнице слова «система» в английском и французском языках - это подтвердило мысль, что разные языки по-разному успевают отражать стремительно меняющуюся действительность. Время от времени возникали и другие такого же рода (семантические или спекулятивные) баталии, касавшиеся отдельных второстепенных вопросов, не имевших прямого отношения к главной теме нашего разговора. На исходе второго дня стало

совершенно ясно, что не может быть и речи о единодушии участников даже в отношении самых общих, предварительных положений. «Эта встреча, - с грустью констатировал позднее Александр Кинг, - закончилась монументальным фиаско». Однако горсточка наиболее стойких, и я в том числе, сомкнула ряды, решив продолжить и углубить обсуждение, не смирившись с поражением.

По окончании совещания мы собрались в моем доме и сформировали «постоянный комитет», в состав которого вошли Эрих Янч, Александр Кинг, Макс Констамм (голландский эксперт по международным проблемам и правая рука Жана Моннэ в движении за создание Объединенной Европы), Жан Сен-Жур (эксперт по вопросам экономики и финансов французской футурологической школы), Гуго Тиманн (глава Баттелевского института в Женеве) и я. С нами предполагали поддерживать постоянные контакты и некоторые другие из присутствовавших, в том числе Деннис Габор (лауреат Нобелевской премии по физике и к тому же большой гуманист). Так родился Римский клуб, получивший имя свое от города, где появился на свет. Правда, Кинг и я, а также Янч, Тиманн и Габор исходили в своих рассуждениях из концепции проблематики, а некоторые другие наши тогдашние коллеги не разделяли этой точки зрения, считая ее слишком обширной и нечеткой. Вместо этого они предлагали, например, детально изучить какой-нибудь конкретный крупный европейский город или общие проблемы урбанизированных комплексов. Авторы, чьи предложения не были приняты, постепенно исчезали.

По нашему же мнению, в мире и так было предостаточно всякого рода специализированных организаций, занимающихся, скажем, улучшением условий жизни в городах, вопросами сельского хозяйства

или энергетическими проблемами, хотя часто последующие выводы показывают, сколь банальны и поверхностны бывают исследования и результаты оторванных друг от друга многочисленных ведомств. И вместе с тем в мире не было ни одной группы, которая занималась бы современными проблемами во всей их целостности. Такой единый, глобальный подход, требующий не только выявления отдельных сторон проблематики, но воздействия проблем друг на друга и на всю систему в целом, по сути дела, никем не применялся, и мы решили взять эту задачу на себя. Так стремление осознать мировую проблематику стало с самого начала основной целью всей деятельности Римского клуба.

На первых порах после римской встречи мы решили расширять контакты, лучше узнавать, как живут, о чем думают и «чем дышат» люди в разных уголках мира.

3. Как воззвать к людям планеты

Почти два года члены нашей малочисленной группы, следуя примеру Диогена, искавшего настоящего человека, непрерывно скитались по свету в поисках хороших людей, которые могли бы присоединиться к нашему начинанию или как-то его поддержать. Я не жалел для этого времени. Мы побывали в Москве, Вашингтоне, Оттаве, Токио и ряде других столиц европейских и развивающихся стран. Цели наших поездок носили скорее исследовательский характер. Стремясь уточнить и как следует прояснить наши собственные идеи, мы обсуждали их с представителями научных кругов и молодежью, политическими деятелями и членами объединений промышленников, преподавателями университетов, студентами, интеллигенцией. Порою нас обдавали волной скептицизма, уверяли в тщетности усилий добиться хоть каких-нибудь результатов в решении столь грандиозных по масштабам и

сложных по характеру проблем. И даже тогда, когда наши идеи, казалось, встречали поддержку и одобрение, все это оставалось на уровне внешней заинтересованности.

Короче говоря, наши упорные скитания по свету не привели, по сути дела, ни к каким осязаемым результатам - как будто бы глобальные проблемы, к которым мы стремились привлечь всеобщее внимание, касались вовсе не нашей, а какой-то иной, далекой планеты. Создавалось впечатление, что большинство людей, которых мы встречали в наших странствиях, готовы были всячески приветствовать создание Римского клуба - при условии, однако, что он никоим образом не будет вмешиваться в их повседневные дела и не посягнет на их интересы. В общем, нам оставалось констатировать, что никто не только не выразил готовности уделить благу будущего всего человечества хоть какую-то долю своего времени, денег или общественного престижа и влияния, но даже, по-видимому, и не верил, что подобные жертвы с их стороны могут привести хоть к каким-нибудь положительным результатам. Короче говоря, наши слова нашли не больше отклика, чем проповеди папы римского, увещания Генерального секретаря ООН У Тана или, скажем, предостережения обеспокоенных ученых и мыслителей. Создавалось впечатление, что их забывали еще долгого, как слышали, Печальный пример тому - предпринятая почти в то же самое время безнадежная попытка 2200 ученых-естественников обратиться с воззванием¹ к своим соседям по планете: «Как бы ни были мы разобщены географически, сколь бы ни были велики различия между нами в культуре, языке, традициях и привычках, политических и религиозных взглядах - в наше время мы все объединены, ибо нам угрожает одна и та же небывалая общая

опасность. Она не сравнима по своей природе и масштабам ни с какой другой опасностью, которая когда-либо угрожала человечеству, и родилась она как результат совместного воздействия сразу нескольких необычных явлений. Даже каждое из них в отдельности сопряжено для нас с почти неразрешимыми проблемами; вместе же они не только резко увеличивают вероятность, что в самом недалеком будущем человечество ожидают тяжкие испытания, но, более того, представляют вполне реальную угрозу для жизни человека на Земле. Мы, ученые, представляющие биологию и другие науки, не собираемся обсуждать здесь возможные конкретные пути решения тех или иных частных проблем, ибо мы абсолютно уверены, что все эти реально существующие проблемы взаимосвязаны, глобальны по своим масштабам и могут быть действительно решены только при условии, что мы откажемся, наконец, от своих узких, эгоистических интересов во имя общих целей». Вот что они сказали, но никто их, в сущности, не услышал.

Мы вовсе не были столь наивны, чтобы надеяться на чудо и ожидать, что результатом наших странствий по свету станет всеобщая поддержка Римского клуба; нет, мы лишь думали, что, общаясь с людьми, сможем познать нечто важное для самих себя. И мы достигли этой цели. Теперь нам стало совершенно ясно, что привлечь внимание людей к таким на первый взгляд далеким от их повседневности проблемам можно, лишь *радикально изменив методы и средства общения.*

Научные статьи, вдохновенные речи, декларации, манифесты, конференции и симпозиумы - самый распространенный способ для чтения проповедей относительно узкому кругу уже обращенных в веру людей. Все эти формы воззваний не доходят, как правило, до широкой

общественности. В свое время обширные возможности общения с широкой аудиторией предоставляли средства массовой информации, однако сейчас они выдают такое огромное количество самых противоречивых сведений, что люди пребывают в постоянном недоумении, как уловить существенное, отбросить второстепенное и, наконец, как на основании всего этого прийти к разумным выводам, и к каким именно. Конечно, надо было использовать все существующие технические средства. Однако нам казалось, что воззвание Римского клуба произведет нужный эффект лишь в том случае, если оно будет представлено в какой-то новой, непривычной, образной форме. Это должно было напоминать лечение шоком. Ведь до тех пор, пока люди с различными уровнями образования не смогут увидеть действительность такой, как она есть, - а не такой, какой она была или какой они хотели бы ее видеть, - им так и не постигнуть смысла мировой проблематики. И надо было сделать так, чтобы как можно больше людей смогли совершить этот резкий скачок в своем понимании действительности.

Мы должны были срочно найти способ пробить брешь в существующей психологической путанице и неразберихе, преодолеть барьеры самодовольства, самоуверенности или фатализма, за которыми люди бессознательно укрываются от неприятной или непонятной им действительности, и заставить их услышать наш призыв. В то же время мы пока не могли предложить никаких конкретных и быстрых решений, которые вывели бы людей из нынешних затруднений; более того, нам предстояло еще многое прояснить в наших собственных мыслях и идеях, которые и самим нам казались не вполне последовательными, логичными и убедительными. Так что наше

воззвание должно было, прежде всего, содержать некие достаточно убедительные исходные мысли, способные начать ту цепную реакцию, которая, как мы надеялись, будет разрастаться.

В сентябре 1969 года, во время нашей встречи на прекрасном тирольском курорте в Альпбахе, нам представилась весьма заманчивая возможность продвинуться к поставленной цели. Здесь, в Альпбахе, начиная с 1945 года Австрийский колледж устраивал традиционные летние встречи, где несколько сотен приглашенных обсуждали свои проблемы - главным образом молодежь из западноевропейских стран, хотя бывали здесь и представители с Востока, и американцы. (Программа встречи включала в себя знакомство с современной музыкой, культурой и искусством разных стран.) В ту осень главная тема была: «Будущее - предвидение, изучение, планирование». Мы решили организовать специальное заседание, связанное с указанной общей тематикой и посвященное обсуждению совместной ответственности развитых стран за решение проблем будущего всего мира.

По счастливому стечению обстоятельств на нашей встрече присутствовал федеральный канцлер Австрии доктор Йозеф Клаус, который заметил, что многое из того, на что мы обращали внимание в дискуссии, имеет самое прямое отношение к деятельности его правительства, и пригласил некоторых членов Римского клуба приехать к нему в Вену и продолжить дискуссию с ним самим и его сотрудниками. Мы не замедлили сделать это: так состоялся первый организованный диалог Римского клуба с политическими лидерами высокого ранга.

Потом, после возвращения в Альпбах, мы вновь и вновь обсуждали

наметившиеся проблемы. Кроме нас, в дискуссиях участвовало несколько американцев, чьи взгляды во многом совпадали с нашими. Там были Эрих Янч, Александр Кинг, Эдуард Пестель (о нем еще пойдет речь ниже), Конрад Уэддингтон (шотландский биолог, ныне умерший), Пауль Вейс (тоже биолог, педагог и популяризатор науки), Детлев Бронк (почетный президент Академии наук США, также умерший) и Хасан Озбекхан (к нему я вернусь через несколько строк). Рассмотрев несколько самых разных возможностей, мы в конце концов пришли к довольно единодушному мнению, что самый перспективный путь к достижению наших целей лежит через *представление и анализ мировой проблематики с помощью системного использования глобальных моделей*. Никогда до этого математические модели не применялись для описания человеческого общества со всем его окружением как единой целостной системы, поведение которой можно даже моделировать и изучать. Ступить на этот непроторенный путь было крайне соблазнительно. Вместе с тем мы вполне отдавали себе отчет, что вероятность поражения здесь во много раз превышает шансы на успех. И все-таки нам казалось, что стоит рискнуть, и мы приняли решение, которое - хоть оно, как и все в Римском клубе, было неофициальным - открыло новую главу в изучении и осмыслении будущего.

Конкретный проект предложил нам Хасан Озбекхан - турок по происхождению, ученый-кибернетик, специалист по планированию и философ, возглавлявший в то время один из калифорнийских мозговых трестов. Я слышал много лестного об этом человеке, в котором глубокая культура сочеталась с богатым воображением. Эти качества оказались совершенно незаменимыми для осуществления наших

намерений. Он был достаточно хорошо осведомлен о целях, которые поставил перед собой Римский клуб, однако не принимал ранее участия в его деятельности. В Альпбахе он в общих чертах рассказал нам о своей методике, а позднее объяснил ее подробнее, проиллюстрировав на конкретных примерах. Кое-что в ней было еще не вполне ясно и требовало доработки, но Озбекхан не сомневался, что таким образом можно вместить всю сложность мира в одну или несколько достаточно наглядных глобальных моделей. Он уже достаточно хорошо представлял себе основные логические этапы этого нелегкого предприятия, хотя многие конкретные детали не могли тогда быть окончательно уточнены, ибо зависели от проводимых исследований, результаты которых трудно было предугадать заранее. Несмотря на это, Озбекхан был абсолютно уверен, что последующее развитие этой методики даст нам в конце концов именно то, что было нам нужно, - способность доходчиво и убедительно продемонстрировать множеству самых разных людей суть нынешней ситуации в мире.

Я горячо поддерживал предложение Озбекхана, уже много лет неустанно повторяя, что нельзя дальше мириться с таким положением, когда наиболее современные методики используются почти исключительно военными организациями, для военных целей, и что необходимо, прежде всего, их применять именно для объяснения, анализа и синтеза мировой проблематики. В тот момент уже планировалось создание ИИАСА, и я знал, что основной его целью будет использование таких методик для исследования больших и сложных проблем или даже комплексов социальных проблем гражданского характера - но все это должно было касаться все-таки отдельных, пусть и широких, проблем, а не проблематики в целом. Так

что глобальная человеческая система, в которой заключены все интересы и все беды современного человечества, оказалась под угрозой полного забвения, и надо было во что бы то ни стало привлечь к ней внимание.

Кое-кто среди нас проявлял определенную настороженность в отношении проекта Озбекхана, считая, что ему впоследствии могут приписать излишне технократическую ориентацию; но эти сомнения удалось, в конце концов, как-то сгладить. Никто из нас вовсе не был зачарован или гипнотизирован компьютерами, моделированием и прочими методиками такого рода. Мы совершенно ясно отдавали себе отчет, что это всего лишь инструменты, которые можно с пользой применить для достижения каких-то конкретных целей, как, например, самолет и телефон служат для сокращения расстояний, аудиовизуальные средства - для улучшения системы образования, а стимуляторы работы сердца применяются в кардиологии. Мы также сознавали, что конкретные пути использования таких инструментов полностью зависят от человека, и в его же компетенции целиком остаются все предварительные допущения, выбор направления исследований и последующая оценка и интерпретация результатов. Никогда Римский клуб ни на секунду не предполагал, что эти человеческие преимущества могут быть полностью переданы какой бы то ни было машине или инструменту, какими бы совершенными они ни были.

В общем, мы намеревались провести серию исследований под названием *«Затруднения человечества»*. Для того чтобы это действительно осуществить, требовалось множество технических средств, научных методик, усилий ума и философских раздумий, ибо,

прежде чем прописывать больному обществу какие бы то ни было лекарства, его необходимо было тщательно и всесторонне обследовать, с тем, чтобы поставить верный диагноз. Так что не так уж было бы и плохо, если бы первый из целой серии проектов основывался на использовании компьютеров. С этой мыслью мы попросили Озбекхана подготовить более развернутый доклад и подробнее изложить суть его предложений.

Прошло довольно много времени, прежде чем Озбекхан подготовил предварительный вариант своего проекта и представил его на наше рассмотрение. Между тем все большие трудности возникали в связи с финансированием проекта, и это объяснялось сразу двумя причинами. Во-первых, буквально от оценки к оценке непрерывно возрастала его предполагаемая стоимость, а во-вторых, все труднее и труднее было найти желающих финансировать предприятие со столь сомнительными результатами. Наконец Озбекхан представил нам основы своего предложения, назвав их «Поиски конструктивного ответа на возрастающую сложность и неопределенность мирового развития». Я считал, что эта формулировка достаточно четко и выигрышно преподносит как проблему, так и цель нашего исследования; вместе с тем она показалась мне слишком академичной и недостаточно точно отражающей суть происходящего в мире.

Предполагалось, что концептуальные основы проекта будут прорабатываться и развиваться по мере его продвижения. В предварительном же докладе Озбекхан лишь стремился «разработать первоначальную, грубую модель - или несколько моделей, - которая в общих чертах отражала бы динамику мирового развития, в надежде, что она позволит выявить наиболее важные компоненты системы и

самые опасные (с точки зрения будущего) взаимосвязи между ними». Исходя из этого предположения, можно попытаться, считал он, «сконструировать некую *нормативную*, общую картину развития событий и потом выяснить, каково должно быть ее действительное содержание, то есть какие она предполагает или влечет за собой акции и последствия в политической, социальной, экономической, технической и общественной сферах».

В общем и целом этот подход представлялся мне вполне разумным. Цель, которую поставил перед собой Озбекхан, была направлена на то, чтобы, прежде всего, достигнуть более высокого уровня понимания истоков болезни, которую переживает сейчас мир, затем более четко сформулировать суть проблемы и ее возможное решение и уж потом, наконец, попробовать определить, какие конкретные действия и политические решения нужны для того, чтобы выправить общее положение человеческой системы. Если бы мы смогли достигнуть этой цели, успех нам был бы обеспечен. Оставалось только выяснить, насколько она осуществима. Кроме того, мы не были уверены, что, если даже нам удастся привлечь к работам лучшие умы, мы сможем завершить в разумные сроки все намеченные этапы исследований.

В течение нескольких месяцев Римский клуб занимался всесторонним обсуждением этих вопросов. И по мере того, как росли наши сомнения в возможности осуществить проект, увядала и его новаторская привлекательность. Создание первой модели, описывающей развитие мира, уже само по себе представляло поистине грандиозную задачу; однако мы собирались пойти еще дальше. Предполагалось заложить в модель ряд целей, с тем, чтобы в результате получить некоторые индикаторы альтернативных политических решений и действий,

которые могут обеспечить их достижение. Мы считали, что осуществление всех этих амбициозных планов потребовало бы такого прогресса в искусстве системного анализа, который предугадать было невозможно. Понимая, видимо, и это, никто так и не взял на себя финансирование проекта со столь неизвестным исходом.

Мне было крайне грустно видеть, как на моих глазах погибает еще не родившийся проект. К тому же Озбекхан был слишком уж нетерпелив. Все это напомнило мне историю одного восточного правителя, который тоже очень спешил с осуществлением своих намерений. Ему удалось убедить мулл разрешить женщинам ходить без паранджи, а также уговорить купцов согласиться на увеличение налогов, чтобы провести в городе канализацию. Но в спешке он объявил оба эти эдикта одновременно. Результат был весьма печален: муллы осудили повышение налогов, а купцы взбунтовались против того, чтобы женщины сняли паранджу. И все осталось по-прежнему - за исключением того, что правитель потерял трон.

Почти год изучая и обдумывая этот проект, мы, в конце концов, вынуждены были признать, что, представляя хорошую основу для размышлений и прекрасный стимул для нашей дальнейшей деятельности, предложение Озбекхана вместе с тем не удовлетворяет требованиям Римского клуба по двум причинам. Одна из них связана с необходимостью ясности и простоты изложения и выводов: чтобы достигнуть поставленных целей. Римский клуб должен был говорить на самом обычном, доступном для понимания языке, оставив в стороне все сложные и заумные материи. Великий европеец Жан Монне обычно говорил, что он переписывает свои речи до тех пор, пока они не станут понятны его жене, имея в виду не ее наивность, а ее здравомыслие. В

нашем случае это золотое правило было явно не соблюдено - в проекте все было задумано и выражено в сложной и специализированной форме.

Второе требование было связано с фактором времени, который всегда был и, как мне кажется, поныне остается одним из решающих. События развиваются весьма стремительно и не останавливаются, чтобы подождать нас. Человечеству предстоит еще наверстать упущенное им драгоценное время и, не снижая темпов, продолжать начатое. И мы не могли позволить себе медлить из-за затянувшихся исследований и экспериментов, сроки и положительный исход которых были абсолютно неопределенны. Так что, искренне сожалея, мы вынуждены были отказаться от этого проекта и искать другую возможность осуществить исследования по глобальному моделированию.

Вспоминая то время, я чувствую глубокую личную благодарность Хасану Озбекхану за то активное участие, которое он принимал в поисках наиболее безопасных путей к будущему, и я уверен, что мою благодарность разделяют многие коллеги по Римскому клубу, которым он, так же как и мне, помог многое увидеть и глубже осознать.

4. Организация неорганизации

В июле 1970 года после неудавшейся попытки Озбекхана, Римский клуб приступил к работам, которые привели впоследствии к широкоизвестному докладу о *Пределах роста*. Здесь, однако, было бы небезынтересно вкратце рассказать о том, что происходило с самим Римским клубом после завершившегося в Альпбахе подготовительного периода. За это время нами была достигнута договоренность относительно нескольких, хотя и не писанных, но достаточно жестких

установок.

Римский клуб оставался немногочисленным - не более 100 членов, - что должно было способствовать хотя бы минимальным постоянным контактам друг с другом - правда это не всегда легко осуществлять и при таком количестве. Он не должен быть организацией - в мире и так уже достаточно всякого рода организаций, я вовсе не обязательно пополнять их число, чтобы в случае необходимости иметь возможность обратиться к одной из них. Он должен существовать на собственный, пусть даже скудный, бюджет, чтобы ни в какой степени не зависеть ни от каких источников финансирования. Он должен быть действительно транскультурным - обращаться ко всем возможным научным дисциплинам, идеологиям и системам ценностей, не связывая себя ни с одной из них. Он должен быть не политическим, в том смысле, который я поясню далее. Он должен быть по-настоящему неформальным и способствовать самому свободному обмену мнениями между его членами. И наконец, он должен быть готовым к тому, чтобы исчезнуть, как только в нем отпадет необходимость: нет ничего хуже идей или институтов, которые пережили собственную полезность.

Далее, Клуб был задуман как общество, ориентированное на конкретные действия, а не на дискуссии ради дискуссий. В соответствии с намеченной программой действий перед Клубом были поставлены две основные цели, которые он должен был постепенно осуществлять. Первая цель - *способствовать и содействовать тому, чтобы люди как можно яснее и глубже осознавали затруднения человечества*. Очевидно, что эта цель включает изучение тех ограниченных и весьма сомнительных перспектив и возможностей выбора, которые останутся человечеству, если оно срочно не

скорректирует наметившиеся ныне тенденции мирового развития. И вторая цель - использовать все доступные знания, чтобы *стимулировать установление новых отношений, политических курсов и институтов, которые способствовали бы исправлению нынешней ситуации.*

Чтобы служить этой двойной цели, Римский клуб стремился по своему составу представлять как бы срез современного прогрессивного человечества. Его членами являлись видные ученые и мыслители, государственные деятели, представители сферы образования, педагоги и менеджеры из более чем тридцати стран мира. Все они отличались друг от друга образованием и жизненным опытом, занимали различное положение в обществе и придерживались разных убеждений и взглядов. Чтобы продемонстрировать, сколь широк этот диапазон, назову, например, биологов Карла-Гёрана Хэдена из Стокгольма (Швеция), Аклила Лемма из Аддис-Абебы (Эфиопия), философа-марксиста и социолога Адама Шаффа (Польша), бразильского ученого-политолога Хелио Джагарибе, американского сенатора Клэйборна Пэлла и канадского сенатора Мориса Ламонтана, бывшего президента Швейцарской конфедерации Нелло Селио, профессора психологии Ибаданского университета в Нигерии Адеоие Ламбо, который ныне занимает пост Генерального директора Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), заместителя председателя Комитета по планированию Польши Иозефа Паджестку, японского урбаниста Кензо Танге, ученого-натуралиста из Каирского университета Мохаммеда Кассаса, директора крупнейшего в Австралии научно-исследовательского медицинского института Гаса Носсалья, сотрудника Института психического здоровья Энн Арбор в Мичигане

Джона Платта. Всех их объединяло глубокое чувство гуманизма и заботы о судьбе человечества. И, каких бы они ни придерживались мнений, они, конечно, были вольны выражать их совершенно свободно и в той форме, которая кажется им наиболее приемлемой.

Как правило, члены правительств не могут одновременно быть членами Римского клуба.

Эти сто так непохожих друг на друга людей при всех их различиях были едины в убеждении, что человеческое общество нуждается в глубоком обновлении и что процесс этот может быть намечен и претворен в жизнь только совместными усилиями всех людей планеты при их взаимной терпимости, понимании и солидарности. Они понимали, что ни одна группа людей, как бы ни была она могущественна, ни одно философское течение, как бы ни было оно верно, не в состоянии исправить сложившееся в мире положение без помощи других групп, без поддержки представителей других философских направлений. Возможно, их объединяло и нечто более глубокое, какое-то еще не осознанное до конца подспудное ощущение, что многие существующие доктрины и школы мышления в наш век постепенно утрачивают смысл, становятся неуместными, не способными более направлять развитие человечества. И они участвовали в спокойных, лишенных внешней горячности дискуссиях Римского клуба в надежде, что смогут, сохраняя лояльность по отношению к своим философским школам и институтам, как-то прояснить и приблизить к современной действительности собственные мысли и взгляды.

Римский клуб по самой своей природе не может служить интересам какой бы то ни было отдельной страны, нации или политической

партии и не отождествляет себя ни с какой идеологией; смешанный состав не позволяет ему целиком присоединиться к позиции одной из сторон в раздирающих человечество на части спорных международных делах. У него нет и не может быть единой системы ценностей, единой точки зрения, он вообще не стремится к единомыслию. Выводы проектов, организатором которых он выступает, отражают мысли и результаты работы целых групп ученых и никоим образом не могут расцениваться как позиция Клуба. И тем не менее Римский клуб отнюдь не аполитичен, более того, его как раз можно назвать политическим в самом истинном, этимологическом значении этого слова. Ибо, способствуя изучению и осмыслению долгосрочных интересов человечества, он на деле помогает заложить новые, более прочные и созвучные времени основы для принятия важных политических решений и одновременно заставляет тех, от кого зависят эти решения, осознать всю глубину лежащей на них ответственности.

В Римском клубе принят порядок кооптации новых членов. За много лет состав его существенно расширился и оказался не столь сбалансированным и уравновешенным, как можно было бы желать. Есть несколько выдающихся наших современников, которых мы очень бы хотели видеть в наших рядах, однако этому препятствуют те или иные пункты нашего обширного устава - и в то же время мы не можем отказаться от принятых правил, чтобы не изменять характер организации Клуба. Весьма отрадно, что есть люди (даже известные), которые тесно и плодотворно сотрудничают с нами, хотя формально и не входят в состав Римского клуба.

Вместе с тем есть среди полноправных членов Клуба малоактивные, «спящие». При всей моей признательности за их моральную поддержку

мне хотелось бы пожелать им найти способ активизировать свою деятельность. В сущности, сейчас не так уж и важно, быть членом Клуба или не быть; гораздо важнее, что человек на самом деле думает о нынешнем положении человечества и что делает для того, чтобы его исправить. Мои мысли о нашем смешанном сообществе хорошо выражает следующее объявление, которое я случайно увидел однажды в Испании над входом в сумасшедший дом: «Не всякий здесь принадлежит к ним, не все, принадлежащие к ним, здесь».

Малочисленность Римского клуба порой дает основание считать его некой элитарной группой, весьма далекой от повседневных земных проблем, которые встают перед рядовыми людьми. Это утверждение совершенно неверно. Напротив, цель Клуба как раз в том и состоит, чтобы добраться до самых корней истинных проблем нашего мира, которые, к несчастью, стали мировыми, а следовательно, и общими проблемами и одинаково касаются нас всех. Очевидно, что мы не сможем достигнуть этой цели, если будем, как это обычно делается, концентрировать внимание лишь на симптомах и последствиях этих проблем или, скажем, рассматривать только самые непосредственные и неотложные из них, то есть те, которые более всего ощутимы для среднего человека и для всех нас. Подобный прием широко используется в политической игре, но если мы не откажемся от него, то так и будем постоянно выбираться из одного кризиса, чтобы немедленно угодить в другой. Единственный путь избежать этого - увязать друг с другом все наиболее глубокие и опасные проблемы и попробовать понять их истоки - которые зачастую очень далеки от реальности, - а уж потом, набравшись смелости, обнажить причины, которые их вызвали, и подумать, как их устранить во что бы то ни

стало.

Римский клуб абсолютно убежден, что судьба всех нас, наших детей и детей наших детей зависит в конечном счете от того, как будет решаться проблематика всего мира в целом, - зависит гораздо в большей степени, чем от того, как мы сможем преодолеть другие, более узкие, хотя и не менее важные и неотложные проблемы; и мы намерены посвятить себя первым из них, даже рискуя оказаться непопулярными.

Есть кому позаботиться о трудностях и проблемах национального или местного характера - для этого повсюду существуют мэры, министры, конгрессмены, парламентарии, сенаторы и даже генералы и многие, многие другие официальные лица, разного рода учреждения, организации, испытанные средства и налаженные механизмы. Но никто, в сущности, не несет и даже не ощущает ответственности за состояние всего мира, и, возможно, в этом одна из причин, почему дела в нем идут все хуже и хуже. О мире некому позаботиться, и, следовательно, никто не хочет делать для него больше остальных, однако, извлекая преимущества из создавшегося положения, каждый старается превзойти остальных. Целиком вся планета представляет собой, таким образом, типичный пример того, что Гаррет Харден назвал трагедией общественного имущества. Тяжек жребий того, что принадлежит сразу всем: каждый старается попользоваться этим больше или раньше, чем остальные, нисколько не заботясь о соблюдении общих интересов.

Ограниченное членство Клуба отвечает и его функциональным критериям. Мы с самого начала боялись создать организацию, внутренние потребности которой будут поглощать слишком много наших и без того ограниченных сил и возможностей. И мы предпочли

остаться маленьким, не обремененным бюрократией сообществом. При этом мы отчасти руководствовались еще и тем, что идеям нужен соответствующий «климат», а он диаметрально противоположен условиям, в которых пышным цветом цветет бюрократия. Так определилось призвание Римского клуба - действовать как катализатор.

Вместе с тем по причинам оперативного характера Римский клуб должен был так или иначе обрести реальность. И он был зарегистрирован в кантоне города Женевы как бесприбыльная гражданская ассоциация с простейшим из возможных уставов. Это предписывало необходимость иметь президента Клуба. Выбор коллег пал на меня, я же попросил во имя сохранения нашего духа «неорганизации» не проводить никакой церемонии выборов или посвящения меня в эту должность - попросту проигнорировать это обстоятельство. Кстати, на наших заседаниях не ведется никаких протокольных записей, так что мое неназначение так и осталось нигде не зарегистрированным фактом. Что у нас действительно есть, так это Исполнительный комитет, который состоит из Фрица Бётчера (советника по вопросам науки при правительстве Нидерландов), Сабуро Окита (экономиста, специалиста в области планирования и главы Японского фонда помощи иностранным государствам), Виктора Уркиди (председателя Колледжа аспирантского образования в Мексике), а также Александра Кинга, Гуго Тиманна, Эдуарда Пестеля и меня.

Обычно Римский клуб проводит одно пленарное заседание в год. Остальное время он действует как «невидимый колледж»¹, члены его стараются поддерживать между собой постоянные контакты и по мере необходимости встречаются, организуя нечто вроде специальных узких

дискуссионных групп. Первые шесть годовых встреч происходили в Вене, Берне, Оттаве, Париже, Токио и Западном Берлине. Седьмая встреча, которую первоначально планировалось провести в 1975 году, произошла годом позже в Алжире. Эти встречи обычно используются для обсуждения наиболее важных вопросов, представляющих всеобщий интерес, и в них нередко принимают участие эксперты по различным мировым проблемам, видные ученые и политические деятели.

Я полагаю, что Римский клуб и его *sui generis* доктрина в общем и целом себя оправдали. Кроме основной деятельности, на которой я остановлюсь немного ниже, он способствовал созданию небольших локальных групп в целом ряде стран, взбудоражил умы, побудил людей последовать примеру, а возможно, и превзойти Клуб на этом поприще - я искренне верю, что это им обязательно удастся.

Клуб помог распространить среди людей множество важных идей, благодаря ему обрело силу и направленность движение за лучший мир. Заглядывая в будущее и пытаясь представить себе Римский клуб и его роль в решении грядущих проблем ближайших, возможно, решающих лет, я твердо верю, что он останется на высоте стоящих перед ним задач, найдет, как и прежде, способы разумно, спокойно и с пользой для дела участвовать в их решении или вовремя уйдет со сцены. Что касается меня лично, то я намерен продолжать активно участвовать в работе Клуба, покуда хватит сил и способностей выдерживать бешеный ритм, с которым сопряжено выполнение моих многочисленных обязанностей.

Несколько слов в заключение. Предприятия такого рода невозможны без личной самоотверженности. И как бы велики ни были достоинства

всех остальных, Римский клуб не был бы Римским клубом, если бы не прекрасная работа и безграничная преданность двух моих секретарей: Анны Марии Пиньокки и Элены Баттистони, которым за все это я приношу свою самую глубокую и искреннюю признательность.

Литература

- *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. Сборник. М.: Рольф. 2001. С. 126
- *Данилов-Данильян В.И.* Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ). // Экономика и математические методы. 2003. Т.39. вып.2.

Римский Клуб

Римский Клуб – это закрытая международная неправительственная организация, деятельность которой направлена на формулирование, стимулирование изучения глобальных проблем и собственно изучение этих проблем. Согласно официальному сайту Римского Клуба, стимулирование решения этих проблем должно быть свободно от влияния идеологических, политических интересов или интересов бизнеса (<http://www.clubofrome.org/about/index.php>). Клуб основан в 1968 итальянским менеджером и общественным деятелем А.Печчеи, возглавлявшим в то время FIAT.

Явления, которые принято называть «глобальными проблемами», возникли в середине 20 в., осознаны научной общественностью были спустя 20 лет, хотя существовали на протяжении долгого времени. *Глобальные проблемы* – это проблемы, касающиеся, в той или иной

степени, всех стран и народов, решение которых возможно, по мнению членов клуба, лишь объединенными усилиями всего мирового сообщества. С решением этих проблем связано само существование земной цивилизации или, по крайней мере, ее дальнейшее развитие.

В 2001 году Римский Клуб открывает YTT30 (Young Think Tank 30), членами которого являются люди примерно 30-летнего возраста для внесения «свежести взглядов» в деятельность организации.